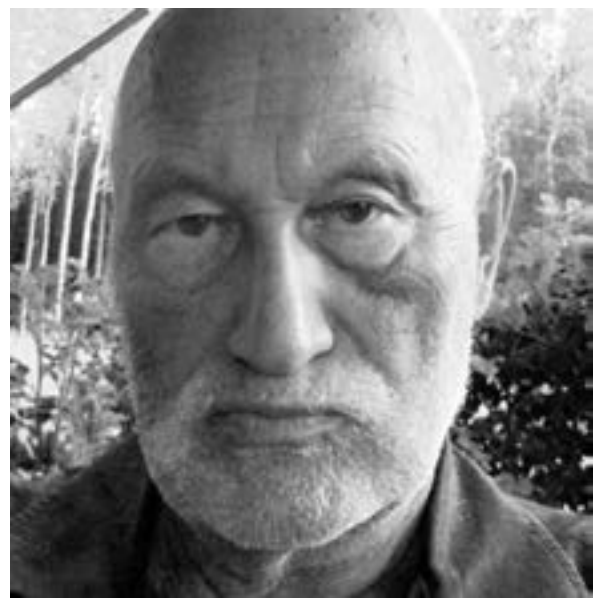


Образ лабиринта отражает путаницу современного мира и мировоззренческие блуждания. Тот, кто входит в лабиринт не похож на того, кто выходит – это человек переродившийся. В лабиринте происходит реинкарнация. Архитектура не таится и вне своей явленности не существует. Лабиринт не виден изначально, он превращается в лабиринт в ходе поисков, в погоне за секретом. Современная архитектура, с ее искусственной или естественной страстью к прозрачности, хорошей ориентации и дальнорзости, лишает город культовых лабиринтов и чуда.
 Ключевые слова: лабиринт, схема, смысл, понятие лабиринта в культуре и архитектуре. /

The image of labyrinth reflects the complicated contemporary world and worldviews. The one who enters the labyrinth is different from the one who leaves it. It is already a reborn person. The labyrinth is a place for reincarnation. Architecture does not hide and does not exist beyond its essence. Being initially invisible, the labyrinth becomes itself in pursuit of the secret. Contemporary architecture with its artificial or natural passion for transparency, good orientation and long-sightedness deprives the city of iconic labyrinths and wonders.
 Keywords: labyrinth; arrangement; sense; notion of labyrinth in culture and architecture.



Лабиринт. К обсуждению смысла схем и понятия / / The Labyrinth. Discussing the Meaning of Its Arrangement and Notion

текст
 Александр Раппапорт /
 text
 Alexander Rappaport

В интересной статье Петра Владимировича Капустина обсуждается тема лабиринта. При этом он в самом начале утверждает, что «лабиринтов не существует», имея в виду, что лабиринт – это схема смысла, который, в силу своей универсальной всеобщности и бесконечности, не может быть овеществлен в каком-то существующем знаковом или физическом предмете.

Но тогда само по себе понятие лабиринта становится в ряд идеальных понятий или схем и теряет свой специфический смысл. Не существует ни порядка, ни красоты, ни ордеров, ни фасадов, ни планов...

А в чем же специфика лабиринта?

Продолжая обсуждать иллюзорность лабиринтов как таковых, Петр Владимирович ссылается на непонятность самого слова. (Впрочем, в английском оно уступает место термину maze.) Пытаясь нащупать специфику понятия «лабиринт», он указывает на невидимость пути, на необязательность стен и множество других свойств и признаков.

Толкование понятия «лабиринт»

Движение к центру лабиринта – метафора для описания извилистого жизненного пути. Его бесконечные повороты напоминали древним изгибы внутренностей. Ранние цивилизации наделяли лабиринты волшебной силой, которая управляла деторождением и реинкарнацией.

Образ лабиринта как нельзя лучше отражает путаницу современного мира и мировоззренческие блуждания. Однако и это, оказывается, не ново. Символика лабиринта – пусть и не такая древняя, как дошедшие до нас древнегреческие мифы о живущем в нем Минотавре – насчитывает уже множество столетий.

Создателем самого старого критского лабиринта для быкоглавого чудовища был Дедал, имя которого означает «умение».

Переместившись из эпохи легендарных героев, мы столкнемся с тем, что во времена Геродота слово «лабиринт» использовалось в переносном смысле для обозначения крупного, заслуживающего внимания сооружения, достойного самого Дедала. Некий архитектор с острова Самос, желая прославиться, назвал выстроенный им храм

Геры «лабиринтом». А его римский коллега Квинт Юлий Милет выбил греческую надпись на памятнике, который находился на месте под названием «лабиринт». Посвящение было обращено к покровителю всех каменщиков греко-египетскому богу Серапису.

Большой знаток вопроса Германн Керн в своем исследовании раскрывает тайны древних лабиринтов. Однако немецкий ученый признает, что само происхождение термина «лабиринт» нам неизвестно. Анализ греческого слова, перекочевавшего во все европейские языки, позволяет сделать предположение, что оно как-то может быть связано с понятием «камень».

В вопросе о происхождении и распространении лабиринта, который одновременно появился в разных культурах, существуют две противоположные точки зрения. Следы древних лабиринтов обнаружены исключительно в Европе, Индии, на островах Ява, Суматра и на юго-западе Америки. Сведения о том, что лабиринты существуют в Африке (Зулуленд), в южной части Тихого океана (Малекула) и в Индонезии, некорректны, утверждает Керн. «Ни один из факторов не указывает на то, что у лабиринта было несколько создателей. Более вероятным представляется то, что схема лабиринта сложилась внутри какой-то одной культуры, после чего распространилась через миграции и заимствования», – пишет Керн в книге «Лабиринты мира».

Кроме того, чтобы понять многие загадки, связанные с лабиринтом, надо знать, что его концепция находит свое выражение в трех различных формах:

- 1) лабиринт как литературный мотив (как правило, это лабиринт-путаница);
- 2) лабиринт как определенная последовательность движений (танец);
- 3) лабиринт как графическое изображение (рисунок).

В своем увлекательном рассказе о лабиринтах Керн отмечает, что «первоначальным воплощением идеи лабиринта явился именно танец, так как движения тела и есть первичный, самый непосредственный способ выражения – это подтверждается и антропологами, и этнологами, а также ясно прослеживается в развитии наших детей».

Самым интересным и наиболее сложным является вопрос о толковании значений лабиринта. Источники тут

не подмога. Они противоречивы, запутаны, тенденциозны. Автору монументального труда «Лабиринты мира» этот образ представляется прежде всего воплощением (при этом совершенным) обряда инициаций.

Чтобы решиться вступить в лабиринт, требуется определенная зрелость. Внутреннее пространство, состоящее из огромного количества поворотов, означает потерю времени и физическую усталость на этом пути. Несколько раз путник приближается к цели, чтобы снова удалиться в противоположную сторону. Идущий должен следовать законам природы и отрицать всяческий субъективизм и произвольность. Достигнув центра, человек остается наедине с Богом, с самим собой, с Минотавром-Дьяволом.

Чтобы выйти, необходимо возвращаться назад по своим собственным следам. Однако возвращение не означает отрицание, отмену состоявшегося похода к центру. Тот, кто входит в лабиринт, не похож на того, кто выходит из него. Это уже человек переродившийся. Именно в центре лабиринта происходит смерть и возрождение к новой жизни.

Некоторые из наиболее ранних лабиринтов – петроглифы бронзового века – связаны либо с захоронениями, либо с шахтами, т. е. с местом, откуда человек ступает на опасный путь, ведущий назад, в утробу Матери-Земли, «владычицы подземного мира». Возвращение в утробу, напоминающее крик «мама, роди меня обратно!», связано с узкими и извилистыми дорожками, похожими на изгибы внутренних стенок. Поэтому в Индии лабиринты наделяли волшебной силой, облегчающей деторождение, а для индейцев хопи они символизировали рождение и реинкарнацию.

Культовая практика необходимым образом связана если не с тайной, то с таинственностью и если не с полным отсутствием предмета, то, во всяком случае, с его частичной скрытностью от глаз.

Казалось бы, все это исключает архитектуру, которая не таится, которая видна и вне своей явленности перестает существовать для сознания.

Башня видна и вблизи, и издали. Но вот лабиринт как лабиринт не виден ни издали, ни вблизи, ни снаружи, ни изнутри.

Собственно, он превращается в лабиринт не сразу, а по мере своего исследования, в ходе поисков, своего рода погони за секретом. И только постепенно осознавая, что шансы на обнаружение выхода не увеличиваются, а, скорее, уменьшаются с каждым новым поворотом, – мы понимаем, что мы в лабиринте.

Тут не будет лишним провести сопоставление с детективным жанром. Суть детектива – тот же поиск выхода, решения, обнаружения преступника, скажем, вора или убийцы. И искусство рассказчика, как и искусство строителя лабиринта, состоит в умении без конца пускать нас по ложному следу и изнурять наше ожидание. Но всему есть предел. В какой-то момент автор детектива должен показать нам убийцу. Выход из лабиринта должен быть найден, и мы должны, наконец, сделать тот шаг, который оставит эту погоню в темноте позади, и мы окунемся в свет истины.

Но вся эта драматургия поиска строится на том, что выходов немного, а скорее всего – один. Будь их великое множество – все потеряло бы смысл. Вожделение питается дефицитом. В огромном универсаме, где тысячи привлекательных товаров, в уставленной тысячами увлекательных текстов библиотеке мы испытываем не разочарование, а, скорее, даже скорбь, так как такое многообразие начинает подчеркивать ограниченность наших способностей и возможностей: жизнь слишком коротка, чтобы съесть все ягоды и пирожные, прочесть все книги и полюбить всех красавиц.

Стало быть, культы, как и чудеса, должны быть немногочисленны. И мало того, они к тому же должны прятаться от праздного созерцателя.

Культовые объекты должны встречаться достаточно редко. Более того. Пожалуй, они должны быть не только скрытыми, но и неожиданными.

Представьте себе путника, заблудившегося в лесу, где каждый шаг ведет в неизвестность, хотя дается с трудом. И вдруг он оказывается перед озером, которое не ждал найти, о котором ничего не знал и не предполагал. Это момент чуда.

Чудо всегда неожиданно и даже ожидание чуда – своего рода парадокс.

На чудо можно надеяться, но едва ли в чудо можно верить.

Значит, устройство лабиринтов – а градостроительство, безусловно, причастно к такому намерению – должно иметь дело с сокрытием чуда и управлением надеждой.

Современная архитектура, с ее искусственной или естественной (тоже большая проблема!) страстью к прозрачности, хорошей ориентации и дальности, лишает город чуда и тем самым лишает его свойства быть воплощением судьбы. Судьба человека – всегда загадка и чудо. Иначе жизнь превратилась бы в постный рацион скудных блюд.

Практически такая установка лишает город тела. А вместе с тем и духа.

Намерения монументального искусства после эпохи Просвещения жаждут больших пространств, в которых искомый монумент был бы почти отовсюду виден. Припомним все эти огромные монументальные комплексы. Они начинают надоедать еще до того, как мы дойдем до их центральной фигуры.

Тут приходит на ум знаменитый паноптикон Иеремии Бенетама, в котором такое свойство видеть нечто имеет принципиально противоположную схему ориентаций. Это надзиратель видит все двери камер и может немедленно обнаружить беглеца. Беглец же надзирателя не видит.

Разумеется, эта стратегия и тактика игры в прятки касается только немногих чудес и культовых объектов. Когда мы не можем найти дороги к вокзалу, общественному туалету или столовой, утрата ориентации никакого смысла уже не имеет и становится сущей бедой. К сожалению, получается так, что сортиры и вокзалы часто скрыты, тогда как монументы видны отовсюду в ущерб собственной значительности.

Градостроитель по необходимости должен располагать как поэтикой прозрачности и видимости, так и поэтикой скрытности и невидимости.

История показывает, что эти взаимодополняющие друг друга способности и установки на самом деле совмещаются крайне редко. Современное градостроительство утратило интерес к чуду и культовым практикам, поскольку последние сделались обязательной идеологической пропагандой. Эффект этой пропаганды, как уже показала история, близок к нулевому. Советская пропаганда вдруг начала оказывать некоторое воздействие на массы лишь после того, как почти исчезла, стала руиной. И ностальгия по СССР сродни романтической поэзии садов и руин.

Но справедливость требует признания: все собственно архитектурное, вс, хоть как-то связанное со зданиями, в теме лабиринтов отмечено... именно негативными эпитетами. Таков пресловутый «египетский лабиринт» Геродота, Кносский дворец, этрусские курганы по Плинию и пр. – в каждом случае использование слова «лабиринт» вызвано непониманием плана. И уже издревле. Что все это значит? Лабиринт – фигура рефлексии подобных ситуаций? И рожден он не столько Архитектурой, сколько реакцией на нее? Парадокс негативного отношения, несомненно, входит в темную природу Лабиринта.